

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 128–135

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 128–135

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-128-135>

EDN: ALOWXB

Научная статья

УДК 811.112.2'373(470.44/.47)

Основные источники формирования терминологической лексики поволжских немцев в условиях языкового острова

А. Я. Минор

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

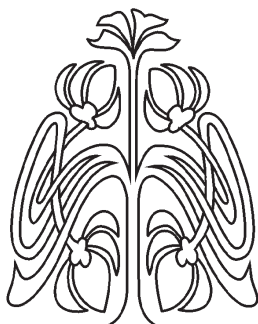
Минор Александр Яковлевич, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой немецкого и французского языков и методики их преподавания, a-minor27@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9871-9069>

Аннотация. В статье предлагаются краткий обзор формирования аллохтонной этнической группы поволжских немцев и основные направления формирования корпуса терминологической лексики данного этноса в условиях языкового острова. Целью исследования является определение основных источников, из которых формировалась терминологическая лексика материальной этнографии немцев Поволжья. Одной из важных предпосылок формирования и развития полноценной терминологической системы поволжских немцев является наличие среди эмигрантов представителей более чем 150 профессий и родов деятельности, что гарантирует сохранение, развитие и передачу терминологической лексики следующим поколениям. В ходе анализа оригинального тематического корпуса текстов автор приходит к выводу, что подавляющее количество терминов образовано ресурсами родного языка. При этом следует различать термины в форме стандартного немецкого языка и термины в форме языковых вариантов, т. е. диалектов. В последнем случае необходимо учитывать наличие нескольких диалектных вариантов одного и того же термина, так как к моменту сбора лексического материала у немцев Поволжья еще не сложился единый язык общения. В населенных пунктах немецкой области на Волге население продолжало общаться на многочисленных диалектах. Еще одним источником пополнения корпуса терминологической лексики следует считать заимствования из языков окружения. В этом случае речь идет, главным образом, о русском языке, с носителями которого колонисты контактировали вне своих мест проживания, так как немецкие села были монолингвальными.

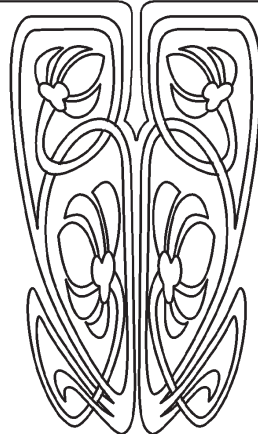
Ключевые слова: материальная этнография, терминологическая лексика, немцы Поволжья, языковые заимствования, ресурсы диалектной лексики и языков окружения

Для цитирования: Минор А. Я. Основные источники формирования терминологической лексики поволжских немцев в условиях языкового острова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 128–135. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-128-135>, EDN: ALOWXB

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The main sources of formation of the terminological vocabulary of the Volga Germans in the conditions of a language island

A. Ya. Minor

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander Ya. Minor, a-minor27@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9871-9069>

Abstract. The article offers a brief overview of the formation of the allochthonous ethnic group of the Volga Germans and the main directions of the formation of the corpus of terminological vocabulary of this ethnic group in the conditions of a language island. The purpose of the study is to determine the main sources from which the terminological vocabulary of the material ethnography of the Volga Germans was formed. One of the important prerequisites for the formation and development of a full-fledged terminological system of the Volga Germans is the existence of the representatives of more than 150 professions and types of activity among the emigrants, which guarantees the preservation, development and transmission of terminological vocabulary to future generations. In the course of the analysis of the original thematic corpus of texts, the author comes to the conclusion that the overwhelming majority of terms are formed by the resources of the native language. In this case, it is necessary to distinguish between terms in the form of standard German and terms in the form of language variants, that is, dialects. In the latter case, it is necessary to take into account the presence of several dialectal variants of the same term, since by the time the lexical material was collected, the Volga Germans had not yet developed a single language of communication. In the settlements of the German region on the Volga, the population continued to communicate in numerous dialects. Another source of replenishment of the corpus of terminological vocabulary should be considered borrowings from the languages of the environment. In this case, we are talking mainly about the Russian language, with whose speakers the colonists contacted outside of their places of residence, since the German villages were monolingual.

Keywords: material ethnography, terminological vocabulary, Volga Germans, language borrowings, resources of dialectal vocabulary and languages of the environment

For citation: Minor A. Ya. The main sources of formation of the terminological vocabulary of the Volga Germans in the conditions of a language island. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 128–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2026-26-2-128-135>, EDN: ALOWXB

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

1. К истории расселения немцев Поволжья

Причинами эмиграции значительного количества немцев в Россию в последней четверти XVIII в. стала, в первую очередь, Семилетняя война, которая принесла обнищание и разорение населения многочисленных мелких немецких государств. Кроме того, давали себя знать острая нехватка земли, гонения на иноверцев и т. д.

Осознавая необходимость заселения пустующих земель, особенно в центре России, на Волге, российская императрица Екатерина II, верная сторонница теории Вольтера о необходимости преумножения населения, уже в 1763 г. издает манифест, в котором призывает иностранцев переселяться в Российскую империю и колонизировать пустующие земли на Средней Волге [1, S. 47]. Наибольший отклик манифест нашел у разоренных Семилетней войной крестьян центральных районов Германии в небольших немецких государствах и вольных имперских городах.

Переселяясь в другую страну, народ берет с собой всю совокупность материального и интеллектуального опыта и навыков, свои традиции и обычаи. Особенную роль в дальнейшей судьбе

данного этноса играет его готовность или отсутствие таковой интегрироваться в социально-политическую и экономическую констелляцию своей новой родины или дистанцироваться от иноязычной среды и сохранить свою идентичность. Большую роль играют и официальные условия, в которых происходила иммиграция колонистов и освоение всех объективных условий новой родины.

Что касается российских немцев и особенно поволжских немцев, то обстоятельства их иммиграции кратко могут быть представлены следующим образом. Очень важными для дальнейшей жизни колонистов были те гарантии, которые содержались в пригласительном манифесте российского правительства от 22 июля 1763 г. [1, S. 48]. Только на Волге в период с 1764 по 1770 г. приблизительно 3000 семей немецких колонистов основали 117 поселений [1, S. 76]. Таким образом, на пустующих землях Средней и Нижней Волги образовался довольно компактно расположенный немецкоязычный анклав, или остров, ставший основой формирования нового аллохтонного этноса в русскоязычном окружении. Манифест гарантировал иностранным поселенцам многочисленные права и обещал множество льгот и привиле-

гий, в частности внутреннее самоуправление, освобождение от военной службы, проведение церковных служб, обучение в школе и документооборот на немецком языке и др. [2, с. 50–51], поэтому немецкие колонисты смогли свободно развивать родную культуру в изоляции от своих соседей, говоривших на разных языках, а также сохранить родной язык и даже его основные функциональные стили.

Немаловажным условием формирования терминосистемы различных областей деятельности колонистов было наличие среди новых граждан России представителей свыше ста профессий. Большая часть колонистов, по данным безымянного автора краеведческих записок по Марксштадтскому кантону (району), были хлебопашцами (62%). Так, «к 1 мая 1798 года в 154 семьях насчитывалось 341 человек мужского пола и 265 человек женского пола, всего 606 человек» [2, с. 123]. Среди профессий, представленных в материалах по краеведению, упоминается 191 рабочий, из них 46 ремесленников и 145 крестьян. Автор перечисляет представителей следующих профессий: чулочники, крестьяне, пивовары, солдаты, один учитель, плотники, валяльщики, мельники, каменщики, сапожники, кузнецы, купцы, садовники, механики, медники, один золотых дел мастер, слесари, токари, стекольщики, один рыбак, несколько каретных мастеров, бондари, сапожники, портные и ткачи, а также другие менее известные профессии, например, мастер по производству перцев [3, S. 123–124]. Аналогичная картина наблюдалась и в других колониях. Свидетельством многообразия кустарных промыслов и ремесел является перечень инструментов и орудий производства, представленных в каталоге «Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.)» [4, с. 3–4]. Так, немецкие ремесленники изготавливали ткани, шили валяную и кожаную обувь, обрабатывали дерево и изготавливали из него мебель. Широко развито было производство курительных трубок, предметов декоративно-прикладного искусства, изготовление предметов из ивового прута, соломоплетение и изготовление предметов из соломенной плетенки, обработка металла, камня, гончарное производство и т.п.

На новой родине колонистам пришлось адаптировать свои технические знания и навыки к местным климатическим условиям. Кроме того, необходимо было изучить состав почвы и воды, опытным путем установить, какие культурные растения наиболее приспособлены к ха-

рактеру местной почвы. Крестьяне, привыкшие жить в гармонии с природой, учитывая веками сложившиеся в Германии народные приметы, вынуждены были многие из них пересмотреть.

Новым гражданам России также приходилось исследовать и опробовать местные строительные материалы, необходимые для построения надежных домов и хозяйственных построек. Большое значение имело также приобретение опыта выращивания зерна и овощей в новых климатических условиях. Привезенные знания в области переработки мяса, овощей, фруктов и ягод пришлось апробировать и модифицировать под местные условия. Таким образом, колонисты приобретали новый опыт на их новой родине.

Полученный опыт необходимо было сохранить и передать следующему поколению, обмениваться им с другими соотечественниками. Это требовало формирования определенного терминологического словаря.

Таким образом, для формирования и развития терминологии на родном языке имелось достаточно емких оснований, в том числе использование в качестве основного коммуникативного средства немецкого языка в разных регистрах, наличие достаточного количества носителей терминологической лексики и достаточного количества специалистов, способных развивать и совершенствовать терминологическую лексику.

2. Терминологическая составляющая материальной этнографии немцев Поволжья

Вопросам изучения терминов посвящено множество трудов как отечественных, так и зарубежных авторов. В современном языкознании наиболее известны работы А. А. Реформатского [5], Г. О. Винокура [6], В. С. Виноградова [7], В. М. Лейчика [8], Б. Н. Головина, Р. Ю. Кобрина [9], И. С. Квитко [10], А. Я. Минора [11]. Однако, несмотря на то, что это понятие исследовано достаточно глубоко и основательно, некоторые основополагающие вопросы терминоведения остаются предметом дискуссий и по настоящее время. Так, вызывает дискуссии вопрос общепринятого определения термина. Кроме того, нет четкого определения роли терминологических единиц в системе языка, не решен вопрос о критериях выделения терминов, в то время как в настоящее время в языкознании насчитывается более сотни определений понятия «термин».

Основоположителем отечественного терминоведения принято считать А. А. Реформатского. На наш взгляд, он сформулировал наиболее точное и полное определение термина: «...это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными, как точное выражение понятий и название вещей» [5, с. 115].

Согласно определению А. А. Реформатского, терминология – «это совокупность терминов определенной отрасли производства, деятельности, знания, образующая особый сектор лексики, наиболее доступный сознательному регулированию и упорядочиванию» [5, с. 115]. Из данного определения следует, что термины могут функционировать только в составе специального языка, т. е. терминологии. А. А. Реформатский подчеркивает, что в общепотребительном языке слово может иметь несколько значений, однако, оказываясь в составе терминологии, оно становится однозначным. Ученый приходит к следующим выводам: термин может существовать вне контекста, так как его присутствие в терминологии выступает вместо контекста; термин может употребляться изолированно, к примеру в текстах инструкций или заказов в технике; термин однозначен не вообще в языке, а в пределах данной терминологии [5, с. 112].

Г. О. Винокур в свое время сделал вывод, что «в роли термина может выступать всякое слово... термин – это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [6, с. 49]. То есть, согласно данному определению, термином может быть любое слово. Основное, что отличает термин от общепотребительного слова, – особая функция термина называть специальное понятие. Б. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин определяют термин как «отдельное слово или образованное на базе имени существительного, подчинительное словосочетание, обозначающее профессиональное понятие и предназначенное для удовлетворения специфических нужд общения в сфере определенной профессии (научной, технической, производственной, управленческой)» [9, с. 10].

Определенную сложность вызывает выделение и исследование терминологической лексики в такой области научного знания, как материальная этнография, поскольку этнография по своей сущности наука многослойная и

многоаспектная. Предмет ее интересов охватывает несколько основных сфер, связанных с жизнью и деятельностью человека.

В данном исследовании рассматриваются три основные области материальной этнографии: жилище, питание и одежда человека. Материалом исследования послужили: монография Августа Лонзингера *Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen* (Материальная этнография немцев Поволжья) [12], а также каталог Е. А. Арндт «Хозяйство и быт немцев Поволжья» [13]. Кроме того, для верификации примеров использовался Атлас языка поволжских немцев (*Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA)*) [14].

Исследование А. Лонзингера было закончено в середине 20-х гг. прошлого века, переведено на русский язык и введено в научный оборот в 2022 г. В каждом структурном блоке автор выделяет отдельные тематические группы. Так, в подгруппу одежда входят четыре большие тематические группы: женская, мужская и детская одежда, украшения и стирка одежды и белья. Таким же образом уточняются подразделы жилища и питания. В целом в монографии насчитывается около 2000 слов, имеющих в данной области научного знания семантику терминов.

Каталог содержит семь разделов, в которых представлены предметы хозяйства и быта немцев Поволжья, выставленные в различных музеях. Название разделов отражают основные виды хозяйственной и культурной деятельности немцев: *Landwirtschaft und Tierhaltung* (Земледелие и животноводство); *Hausarbeiten, Gewerbe und Handwerk* (Домашние занятия. Промыслы. Ремесла); *Wohnung* (Жилище); *Kochutensilien* (Утварь); *Kostüm und Schmuck* (Костюм. Украшения); *Riten und Feiertage* (Обряды и праздники); *Kndererziehung* (Воспитание детей).

3. Факторы, определяющие особенность терминологической лексики поволжских немцев

При анализе терминов, характеризующих важнейшие сферы жизни немцев Поволжья, можно выделить следующие факторы, определяющие своеобразие терминологической лексики данного аллохтонного этноса.

Прежде всего, эти факторы можно разделить на три группы в зависимости от источников пополнения специальной лексики. Анализ структуры и семантики терминологической лексики обнаруживает три источника ее происхождения.

Во-первых, это неологизмы, которые базируруются на собственной творческой силе немецкого языка. В этой области можно выделить два направления: потенциал литературного языка и потенциал диалектов. Во-вторых, это заимствования из контактных языков, особенно из русского.

3.1. Терминологические образования на базе немецкого литературного языка

Этот фактор связан с пространственными отношениями. Часть эмигрировавших людей могут при определенных обстоятельствах потерять связь с родиной и родственниками, изолироваться от соотечественников. Изоляция эмигрирующей группы может принимать разные формы. Отношения эмигрантов со своей покинутой родиной могут быть временно активированными или полностью пассивными. Для этого могут быть разные причины. В большинстве случаев правительство хочет как можно быстрее интегрировать иммигрантов на их новой родине.

Изоляция от основной области функционирования родного языка может испытывать различные фазы усиления или ослабления контактов вплоть до их полного прерывания.

Названия новых устройств или машин могут попасть на этот языковой остров разными способами. Большую роль играет импорт новинок из Германии в район проживания эмигрантов. Но для немцев Поволжья этот маршрут не играл особой роли, поскольку колонисты вследствие большой удаленности от прежней родины и ограниченности контактов были более зависимы от продуктов из России, чем из прежней родины. Именно на Волге немцы стали строить дома и надворные постройки из самана (блоки немного больше по размеру, чем кирпич, изготовленные из смеси белой глины и соломы или мякины, высушенные на солнце в течение летних месяцев): *Lehmsteine* (в диалектной форме – *Backstaa*) (глиняные кирпичи), *die Form* (шаблон на четыре или шесть ячеек, в которые накладывают смесь глины с соломой и относят в этой форме к месту, где кирпичи будут все лето сохнуть).

Интересный неологизм поволжско-немецкого языка, возникший в результате дефицита леса и дров, это слово *Mistholz* (кизяки), буквально дрова из навоза, которые затем складывались в сарай и служили хозяйке всю зиму топливом. Вместо *Nachtschattenbeeren* (паслён) использовалось название *Schwarzbeeren* (черные ягоды,

паслён), которое, естественно, употреблялось и в диалектной форме *Schwarzabeera*. Название ягоды малины только в диалектах группы мennonитских колоний, которые были основаны гораздо позже основной группы колоний, в 1853–1871 гг. [14, S. 261], имело форму *Himbeeren*, *Hembirn*, *Embiere*. В старых материнских колониях эту ягоду называли *Maline* (*Mliine*, *Maliine*) [14, S. 261]. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что этот кустарник, эта ягода жителям старых колоний была не знакома до их переезда в Россию.

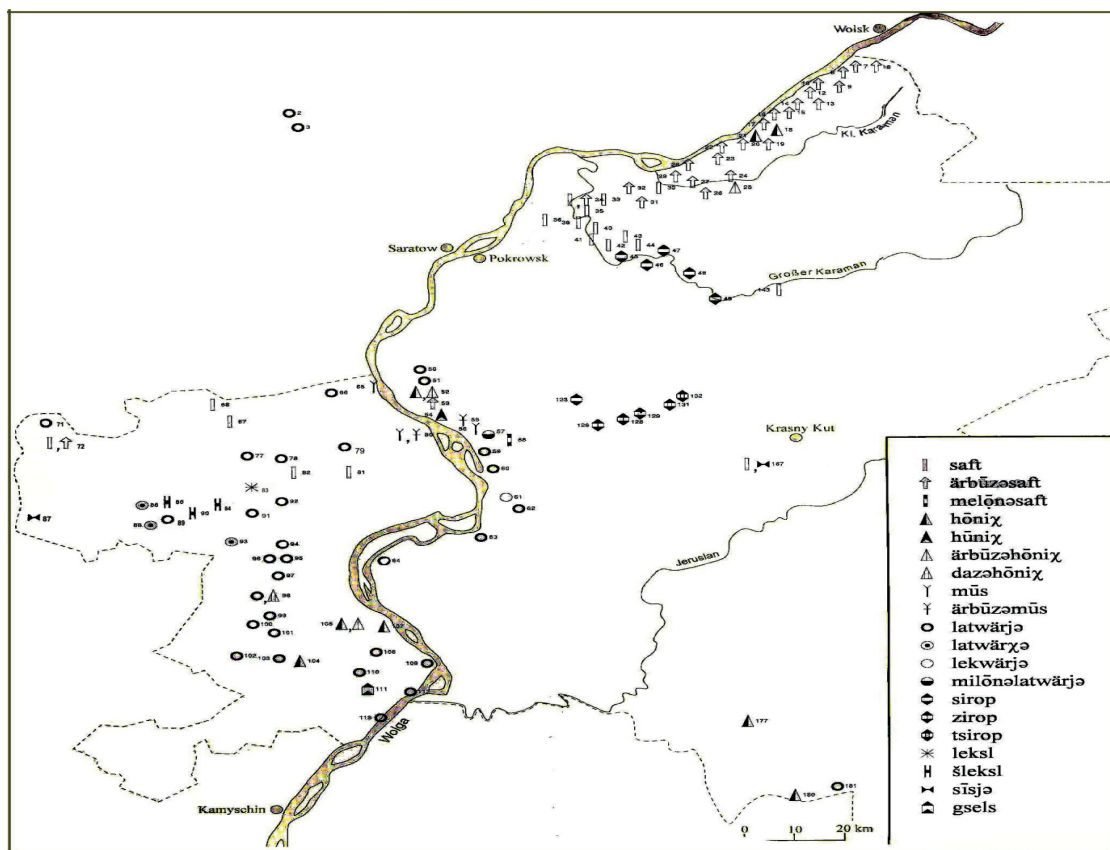
В одежде использовались, наряду с самоканными, также ткани российского фабричного производства. Так, в колониях научились производить легкую ткань сарпинку (*Sarpinkatuch*). В каждом селе были ткацкие станки, на которых изготавливались льняные ткани, трикотажные шерстяные полотна. Местные портнихи шили из них различные жакеты, юбки, фартуки, камзолы, чепчики и шарфы. Большую часть одежды и постельного белья колонисты шили сами на швейных машинах или вручную [15, S. 5].

На Волге колонисты стали шить полушубки (*Schappelz*, *Faltapelz*, *Gelapelz*, *Poluschubka*). Более бедные слои населения шили *gesteppte Pelze* (стеганные полушубки).

3.2. Терминологическая лексика на базе диалектов

Диалекты поставляют в систему языка значительную часть словарного запаса не только в условиях языкового острова, но и на основной территории немецкого языка. На сравнительно большом ареале расселения немцев Поволжья новые термины имели разную форму и различались не только фонетически, но и лексически (ср., например: [16]).

Творческую силу диалектов можно продемонстрировать на примере названий арбузной патоки. На карте из Атласа языка поволжских немцев для словосочетания *арбузный сок* можно увидеть около 20 вариантов этого термина, хотя среди существующих названий можно выделить некоторые группы, в которых доминирует один и тот же компонент. В целом группы слов можно идентифицировать по их основным компонентам: *мед* (*Arbusenhonig*), *сок* (*Arbusensaft*), *повидло* (*Melonenlatwerje*), *мусс* (*Arbusemus*), *cupon* (*Melonen sirup*) и *кисель* (*Kisel*). На карте показаны и другие отдельные варианты этого продукта, которые изобрели поволжские немцы на своей новой родине [14, S. 219].

Карта № 219 Melonensirup из WDSA (переработана А. Минором)

Для номинации курительной трубки существует пять вариантов слова *Pfeife* (курительная трубка): *paif, paifə, paivə, faifə, faif*. Для объектов, созданных на новой родине, используются диалектные формы, например: *Samowardichle* (*Samowartüchlein*) (салфетка для самовара), *Tichilde* (носовой платок, салфетка), *Kamdasch* (сумочка для гребней), *Uhrschuh* (футляр в форме башмака для хранения часов [4, с. 27].

Особую группу составляют слова для номинации объектов, созданных на новой родине, на Волге. Наиболее интересным примером является *Ausreitstein* (*Ausreitstaa*) – молотильный камень, камень для обмолота зерна, каменный каток. В каталоге «Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.)» *Ausreitstein* описывается следующим образом: это семигранный цилиндр с острыми краями, двумя неглубокими отверстиями и железными прутьями у оснований. Место крепления заполнено раствором серы [4, с. 119]. Молотильный камень был изобретен немцами Поволжья для облегчения молотыбы.

Вот еще несколько примеров неологизмов, возникших в диалектах поволжских немцев для названия предметов, которые впервые вошли в

употребление в России: *Heuropper* (крюк для вытаскивания сена из стога), *Mistholz* (кизяки из навоза для отопления), *Schnitze* (ломтики сухофруктов) и т. д.

Поэтому можно утверждать, что анализ терминологической лексики позволил выявить термины, для обозначения которых поволжские немцы использовали либо лексику своих диалектов, либо литературный немецкий язык.

3.3. Заимствованная терминологическая лексика

Важным фактором, отразившимся на развитии языка и культуры, привезенных с собой иммигрантами, и в частности на их терминологическом словарном запасе, является воздействие языка и культуры народов, находящихся в непосредственном контакте с данной этнической группой. Их влияние на развитие терминологической лексики аллохтонного этноса нельзя отрицать, поскольку не всегда удавалось найти соответствующие средства в родном языке. По этой причине ресурсы контактных языков использовались для того, чтобы найти номинацию новому предмету или явлению при помощи заимствований из других языков.

При анализе языковых карт из Атласа диалектов немцев Поволжья (WDSA) особенно бросаются в глаза заимствования из русского языка: десять процентов языковых карт Атласа (из 285 карт) содержат русизмы разного рода. Обзор этих русизмов показывает, по мнению Н. Беренд и Р. Поста, что для адаптации языка к экономической и культурной ситуации использовались различные языковые стратегии [15, с. 6].

Так, в Атласе содержатся интересные примеры влияния русского языка на язык российских немцев. Следует заметить, что ко времени проведения анкетирования среди немецкого населения на Волге влияние русского языка было минимальным, немцы были в основном монолингвами [16]. Контактные языки могли стать источником новой лексики для островного варианта немецкого языка, по крайней мере, по двум причинам.

Априори можно утверждать, что заимствованные термины с заимствованными объектами прочно вошли в состав поволжско-немецкого языка. Это, например, *Samowar*, *Katerinka* (разновидность шарманки), *Kofta*, *Schwanzkoft* (кофта), *Winterjacke Schabasch* (зимняя куртка шабаш), *Sarafan* (сарафан), *Kartus* (картуз, фуражка), *Pinschak* (пиншак, беншак, мужская уличная куртка, пиджак), *Naprasna* (напрасна, прасна), *Kaftan* (длинная верхняя одежда), *Krylitz* (крыльцо), *Kwas* (слабый алкогольный напиток квас), *Samogon* (самогон), *Tulup* (тулуп, длинная шуба с большим воротником из длинноворсового меха), *Resinkaschuh* (резинки, туфли на резиновой подошве) и др.

При анализе терминологической лексики заметно, что наибольшее количество заимствований связано с одеждой. Причинами этого, конечно же, являются климат и погода, которые заставили колонистов подражать некоторым элементам одежды своих русских соседей.

Второй причиной заимствования из языка контактов могла быть необходимость дифференцировать значения схожих терминов или объектов. Так обстоит дело, например, со словом «мёд». Так немцы Поволжья в большинстве колоний называли арбузную патоку *Honig*, *Arbusenhonig* (мед, арбузный мед), а не пчелиный мед. Среди хлебобулочных изделий различают толстые лепешки *dicke Kuchen* (хлеб) и *Dünnekuchen* (тонкие лепешки, т. е. пирог). Иногда пирог покрывали слоем теста и сверху, получая двойной пирог. Такой пирог получил

название по-русски *Pirog*, *Birock*. В этом случае вместе с заимствованным предметом было заимствовано и его название.

При заимствовании русских существительных с конечной полной гласной носители поволжских немецких диалектов следуют типичному для немецкого языка правилу, а именно ослаблению этих гласных в безударных слогах до редуцированного *-e*, как в немецком языке (например: русские *-я, -и, -ы* > немецкие *-e* [э]). Ср.: баня > *Banje*; арбузы > *Arbuse*; кружка > *Kruschge*.

Другая группа, примечательная со структурно-формальной точки зрения, – это сложные существительные, состоящие из русской и немецкой частей. Примеры: *Sirenbaum* (сирень + дерево); *Saborawand* (забор + стена), *Kaleschewagen* (коляска + повозка), *Droschgewagen* (дрожки + повозка); *Tschuguntopf* (чугун + горшок); *Gasöl* (керосин: газ + масло). Эти немецко-русские слова-гибриды встречаются наряду с русскими корневыми словами. В целом, как показывает практический материал, это довольно распространенная модель русизмов. В отличие от русского языка, в котором определяющее слово в композите имеет, как правило, форму прилагательного, в немецком языке в сложных существительных определяющее слово является именем существительным, например: *Arbusehonig* (арбузная патока, букв. арбузный мед) [17].

Различия в произношении одной и той же лексемы порой очень заметны. Насколько можно судить по имеющейся фонетической транскрипции, их невозможно систематизировать по определенным правилам. Процесс фонетической интеграции русских слов в немецкую диалектную языковую систему (*Verdeutschung*), «германизация, онемечивание», ко времени сбора лексического диалектного материала в 30-х гг. XX в., по-видимому, еще не был завершен [18]. Поэтому в анкетах встречаются разные варианты произношения, например: *Schwantsgofte*, *Schwantsgoft*, *Schwantskofte*, *Schwanzkofte* (жакет с баской); *Jacke Naprasna*, *Prasna* (праздничная кофта). Однако в диалектах немцев Поволжья встречаются также устоявшиеся формы заимствованных из русского языка слов, например *Kaftan*, *Kartus*, *Schapka*.

Термины в диалектной форме также имеют несколько вариантов, например, *Wiege* (колыбель): *Wik*, *Wige*; *Puppe* (кукла): *Pob*, *Vop*; *Kinderhocker* (детский стульчик): *Taburethe*, *Daburethe* и др.

Заключение

В заключение необходимо определить два актуальных направления исследований в области обработки терминологической лексики поволжских немцев. Во-первых, это задача сбора, сортировки и классификации терминологической лексики, которая сложилась и утвердилась в процессе жизни и деятельности немцев на Волге и в России в целом. Очень важной задачей является определение источниковой базы для сбора терминологической лексики поволжских немцев. Прежде всего, это различные каталоги, содержащие специальную лексику по различным отраслям экономики и быта немецких колонистов.

Список литературы

1. *Kufeld J.* Deutsche Kolonien an der Wolga. Nürnberg ; München : Historischer Forschungsverein der Deutschen aus Russland (HFDR), 2000. 446 S.
2. *Дитц Я. Е.* История поволжских немцев колонистов. М. : Готика, 1997. 496 с.
3. Наш кантон. Материалы по краеведению. Маркштадтский кантон АССР НП = Unser Kanton. Materialien zur Heimatkunde. Kanton Marxstadt der ASSRdWD / пер. с нем. А. Я. Минора; ред. А. Я. Минор, Е. А. Арндт. Саратов, 2024. 240 с.
4. *Арндт Е. А.* Хозяйство и быт немцев Поволжья (XIX–XX вв.) : каталог = Wirtschaft und Alltag der Wolgadeutschen (XIX. und XX. Jahrhundert) : Katalog. Изд. 2-е, перераб.. Саратов : ИД «Волга», 2021. 296 с.
5. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение : учебник для вузов / под ред. В. А. Виноградова. 5-е изд., испр. М. : Аспект Пресс, 2004. 536 с.
6. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Сборник статей по языковедению / под ред. М. В. Сергиевского, Д. Н. Ушакова, Р. О. Шор. М. : Московский гос. ин-т истории, философии и лит-ры, 1939. С. 3–54. (Труды Московского института истории, философии и литературы, т. 5).
7. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
8. *Лейчик В. М.* Терминоведение. Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М. : ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
9. *Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.* Лингвистические основы учения о терминах : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1987. 105 с.
10. *Квитко И. С.* Термин в научном документе. Львов : Вицца школа, 1976. 125 с.
11. *Minop A.* Fachwortschatz der sachlichen Volkskunde der Wolgadeutschen // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2023. № 1 (13). С. 137–143. [https://doi.org/10.33466/2500-0063-2023-1\(13\)-137-143](https://doi.org/10.33466/2500-0063-2023-1(13)-137-143)
12. *Lonsinger A.* Sachliche Volkskunde der Wolgadeutschen = Материальная этнография немцев Поволжья. Саратов : ИД «Волга», 2022. 248 с.
13. *Арндт Е. А.* Тайны и загадки костюмов поволжских немцев = Geheimnisse und Rätsel der wolgadeutschen Volkstrachten / пер. с нем. А. Минора. Саратов : ИД «Волга», 2022. 152 с.
14. *Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA) aufgrund der von Georg Dinges 1925–1929 gesammelten Materialien / bearbeitet und herausgegeben von N. Berend unter Mitarbeit von R. Post.* Tübingen ; Basel : A. Francke, 1997. 320 S.
15. *Berend N., Post R.* Einführung // Wolgadeutscher Sprachatlas (WDSA) aufgrund der von Georg Dinges 1925–1929 gesammelten Materialien / bearbeitet und herausgegeben von N. Berend unter Mitarbeit von R. Post. Tübingen ; Basel : A. Francke, 1997. S. 5–15.
16. *Шиллер Ф. П.* О влиянии войны и революции на язык немцев Поволжья // Ученые записки Института языка и литературы РАН ИОН. 1929. № 2. С. 67–87.
17. *Дингес Г. Г.* К изучению говоров поволжских немцев (результаты, задачи, методы) // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1925. Т. 4, вып. 3. С. 12–20.
18. *Минор А. Я.* Предложения из анкеты Георга Венкера // Тенденции развития языковых вариантов поволжских немцев первой половине XX века / под ред. А. Я. Минора, Л. И. Тетюева. Саратов : Саратовский источник, 2015. С. 193–195.

Поступила в редакцию 09.09.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 10.02.2026
The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 10.02.2026